

РЕЦЕНЗИИ

Земская Е. М., Кутайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. 276 с.

Лингвистические работы можно условно разделить на два вида. Одни затрагивают вопросы давно известные и преследуют цель нового освещения знакомых фактов, включения их в принятые в настоящее время системы описания с современной терминологией и методикой. Другие посвящены языковым явлениям, не привлекавшим ранее к себе внимания и поэтому совсем не освоенным также и теоретически. К этой второй разновидности и принадлежит рецензируемая книга, интересная как богатейшим, не описанным ранее материалом, так и его смелой и самобытной интерпретацией. Следует отметить, что это очередной законченный фрагмент серии работ группы по разговорной речи под руководством Е. А. Земской Сектора современного русского языка Института русского языка АН СССР (сюда относятся и [1, 2])¹. В текущем году ожидается выход в свет очередного труда. Он будет включать в себя фонетику, морфологию, лексику, кинесику и «языковую игру». В планы группы входит также издание сборника статей, посвященного проблемам городского просторечия.

Объектом исследования служит русский разговорный литературный язык 60—70-х гг. нашего века. Если в первой работе данного цикла подчеркивались синкретизм и расчлененность разговорной речи, то в рецензируемой книге предметом специального рассмотрения является антиномия речетворчества и автоматизма. «... Говорящий легче, свободнее и чаще, чем в КЛЯ, производит новые единицы (а не воспроизводит уже готовые), причем это касается единиц разных уровней...» (с. 6).

Строение разговорной речи рассматривается в связи со структурой коммуникативного акта. Решающими факторами считаются непринужденность, неподготовленность, непосредственность участия в речевом акте коммуникантов. Факультативные факторы связаны либо с партнерами коммуникации, либо с ситуацией. Используемые для этого термины «детерминанты» (для решающих факторов) и «компоненты» (для факультативных) не встречают поддержки по причине их нечеткости и неупотребительности в аналогичном значении в языковедческих работах на данную тему. «Детерминанты» слишком напоминают грамматическое

понятие распространения члена предложения, а «невербальные компоненты коммуникативного акта» очень близки термину «невербальные средства коммуникации» (жесты, мимика), применяемому в данной книге. Следует подчеркнуть, что выявление факторов произведено обоснованно, последовательно, к тому же очень тщательно и детально (с. 15—19).

В монографии справедливо отмечается, что между коммуникативной сферой и разновидностью языка (литературный язык, разговорная речь, интердиалект, диалект, жаргон) нет прямого соответствия, т.к. в одной и той же сфере коммуникации может использоваться несколько разновидностей языка и, наоборот, разные разновидности обслуживают одну сферу (с. 20). Разговорная речь действительно, применяется не только в семье, но и в любом кругу лиц, которых связывают непринужденные отношения, и не только на бытовые темы (с. 20). Положение литературной разговорной речи в системе общенародного языка показано в сравнении с просторечием и диалектом. Необоснованность преувеличения фактора устности, а также существования разных типов публичной речи и их противопоставленности речи разговорной доказана очень обстоятельно и корректно (с. 58—70).

Исключительно важным является установление характерных особенностей разговорной речи. Они обобщены и сгруппированы в 16 подпунктов: 1) меньшая (чем в КЛЯ) скованность правил возможными исключениями и ограничениями, следовательно, большая степень регулярности; 2) особая, приспособленная к условиям общения номинация и активизация полифункциональности знака; 3) повышение роли речетворческого начала; 4) продуктивность аналитических тенденций (я купила платье *чистый лен* (не род. пад. и не из чистого льна); 5) специализация набора единиц в синтаксисе, морфологии, лексике; 6) особые замены отсутствующих категорий (например, два глагола вместо деепричастия: *Он идет держится за стенку* (а не держась); 7) изменение функциональной нагрузки многих единиц грамматики и лексики (расширение применения именительного падежа, особая семантика слов, например, *простой, прямой*); 8) количественное своеобразие (смещение пропорций частей речи, синтаксических конструкций); 9) специализация средств грамматики текста; 10) своеобразие порядка слов

¹ С данной проблематикой связана и монография О. А. Лаптевой [3].

(сильная зависимость от интонации, повышение роли начальной позиции и др.); 11—12) сбив синтаксических связей, тематическая полифония; 13) особое взаимодействие ситуативно-обусловленных номинаций с синтаксисом (*Над нами жила в Крым устала*); 14) наличие функционально не дифференцированных вариантов (*дедуся, дедуля, дедуля; большущий, большенный*); 15) ориентированность на собеседников — субъективная окраска, контактоустанавливающая функция; 16) наличие многих противоборствующих тенденций: аналитизм — синтетизм, клишированность — творческое начало, синкретизм — расчлененность формы выражения и др. (с. 25—40).

Объективность выявленных характеристик не вызывает никаких возражений. Возможность их перегруппировки, укрупнение одних и, наоборот, дробление других, что могло бы кому-то представиться более целесообразным, не имеет принципиального значения. Существенно то, что обнаруженные закономерности активны и имеют широкое распространение. Взаимозависимость проанализированных свойств разговорной речи совершенно очевидна. Термин *система*, подобно понятиям *план*, *уровень*, относится к активно применяемым в современном языковании модным словам, без которых можно с успехом обойтись. Так ли уже необходимо говорить на «уровне синтаксиса», как это сплошь и рядом теперь встречается, когда можно просто сказать «в синтаксисе»? Система для каждого национального языка одна, и если приходится сталкиваться даже в одной и той же жизненной ситуации с двумя кажушимися разными кодами, то на самом деле это и есть варьирующаяся реализация единой системы. Ср. противопоставление казенно-официального и буднично-обыкновенного: (в метро) *Поезд следует в депо, просьба освободить вагоны!* — слова машиниста; *Поезд идет в депо, надо выходить* — слова пассажира. Взаимоопонимание только потому и возможно, что строевая основа языка едина. То, что разговорно отмеченные явления образуют организованную совокупность, не подлежит никакому сомнению и убедительно продемонстрировано в рецензируемой книге. Только есть ли необходимость именовать это системой, тем более еще и самодостаточной? Ведь без нейтрального разговорная речь не существует. Терминологический спор не должен заслонять главного. Определяюще другое: осуществленный в данной монографии подход к разговорной речи безусловно обеспечивает адекватное представление фактов и обнаружение их свойств.

Разговорная речь не отличается стройной однородностью. Широта и многообразие допускаемых в разговорной речи средств объясняется в основном двумя причинами: тематической неограниченностью и языковой игрой (с. 41—42).

В книге отстаивается положение, согласно которому разговорную речь нельзя считать сниженным стилем литературного языка. В доказательство приводятся многочисленные доводы. Однако остае-

ся неясным, подвержена или нет стилистической рубрикации сама разговорная речь. Если утверждается, что сниженный стиль (КЛЯ) «находит сферу применения преимущественно в языке художественной литературы» (с. 50), создается впечатление, будто разговорная речь не знает (или почти не знает) снижения. «На сниженном стиле не говорят», — утверждается на с. 53. Выходит, им только пинут. Сниженный стиль считается «забором красок» (52 с.), в то время как разговорная речь «обычное средство общения» (с. 53). Но не будет ли более правильным говорить о том, что в языке художественной литературы, прессы, науки иное ощущение стилистических норм, чем в обиходной речи? Для многих мальчишек, например, формы *Коля, Петя* «завышены», а *Колька, Петька* нейтральны. В литературном же языке *Колька, Петька* снижены. Обращения по отчеству *Николай! Константин!* в просторечии не лишены почтительности, а для литературной нормы они сильно снижены.

Не менее интересны, чем первая теоретическая часть («Общие вопросы»), вторая «Словообразование» и третья «Синтаксис», знакомящие с результатами изучения огромного, почерпнутого из живой естественной речи материала. Обе эти части объединены общей идеей демонстрации актуализируемых языковых потенциалов. Анализ отсутствующего в словарях и грамматиках, однако реально существующего в обиходном общении — это то, что определяет новизну и теоретическое значение книги.

Известно, что в речи формируются словосочетания и предложения из «уже готовых» слов. Характерной чертой разговорной речи является то, что «говорящие свободно пользуются возможностями неузуального словообразования» (с. 74). Оттого, что образование окказиональных слов происходит по существующим моделям и вызывается к жизни потребностями общения, оттого, что делается это достаточно искусно и с обеспечением мотивированности, необычность таких ситуативных одномоментных лексем зачастую не ощущается. Однако вне контекста неузуальные слова «могут производить странное впечатление и даже отталкивать» (с. 74). Нельзя признать удачным приведение в одном ряду без каких бы то ни было оговорок регулярных (типа *взбивалка, мешалка*), применяемых в узком коллективе (*больничка* — больничный лист, *поздравилка* — поздравительная телеграмма, *двухсотка* — 200 томов Всемирной литературы) и единичных разовых образований (*безьяныш, полезнуха*). Возможно, звездочка или какой-то иной условный знак при окказионализациях, жаргонизмах и вулгаризмах способствовали бы уточнению характера предложенного материала.

Свобода и легкость построения слова в разговорной речи приводит к тому, что оно выступает как легко членимая единица с четко осознаваемым значением компонентов. Отмечены интересные свойства идиоматичности (фразеологичности) семантики производного слова в разгово-

ной речи. Например, одно и то же слово может в зависимости от условий мотивироваться по-разному: *картошник* 1) любитель картофельных блюд; 2) торговец; 3) огородник, 4) участок огорода (с. 78).

По данным Е. А. Земской, способы словообразования в разговорной речи совпадают с кодифицированным литературным языком. Особую активность обнаруживают суффиксация, префиксация и суффиксально-префиксальный способ. К ним присоединяются универбация и усечение. Специфически разговорных приставок не обнаружено, зато установлено, что тридцать суффиксов специализируются на образовании разговорно окрашенных слов. Это тем более интересно, что в других языках (особенно за пределами славянского ареала, например, в немецком) особых исключительно разговорных средств нет (разве что суффикс *-aster*). Очень ценно указание на примечательный контраст имени и глагола в разговорном словообразовании. Экспрессивность глагола «создается преимущественно отбором стилистически маркированных корней (большой частью сниженных, иногда даже вульгарных)», в то время как для существительных и прилагательных типична аффиксация (с. 84).

Из многих возможностей описания словообразования Е. А. Земской избран функциональный принцип. Выделены четыре функции: 1) номинативная — для создания названия предмета или явления, 2) экспрессивная — для создания особой выразительности, 3) конструктивная — для упрощения синтаксического построения и 4) компрессивная — для краткости. Хотя эти функции могут перекрещиваться и дополнять друг друга, такой подход вскрывает многие качества формируемых слов. С подключением других факторов (часть речи, характер основ, направление и тип деривации, семантическая модификация морфем, сфера применения и др.) обеспечивается всесторонность и полнота анализа.

Не лишней оказалась бы небольшая дополнительная унификация отдельных сторон словообразования. Если учитывается метафоризация в глагольном словообразовании, неясно, каково положение с метонимией (ср. с. 152). Внимание к семантической деривации глаголов требовало бы и анализа семантического пути образования именных частей речи, однако он не стал предметом рассмотрения.

В третьей, синтаксической части, написанной Е. Н. Шпрелевым, рассматриваются ситуативно-зависимые высказывания и высказывания со своеобразно трансформированной структурой сложного предложения, называемые автором полипредикативными. Такой отбор материала не случаен. Известно, что экстралингвистическая ситуация в условиях разговорной речи непосредственно участвует в коммуникации и оказывает глубокое воздействие на структуру высказывания, открывая в этой структуре разнообразные по своему статусу незамещенные позиции. Без анализа незамещенных позиций невозможно сколько-нибудь полно и удовлетворительно представить синтаксис разговорного высказывания вообще. В книге

описываются не исследованные ранее незамещенные смысловые позиции, задающие только смысл, но не способ его морфолого-синтаксического оформления (с. 192—193).

Также впервые дается описание широко представленных в разговорной речи «частно-апперцепционных» высказываний, в которых незамещенные позиции передают смысл, извлекаемый из запаса знаний и опыта некоторого микроколлектива говорящих.

Описание полипредикативных высказываний разговорной речи интересно и важно уже потому, что объектом анализа сделан большой и относительно самостоятельный фрагмент разговорного синтаксиса. Доказывается, что систему полипредикативных высказываний разговорной речи определяет бессоюзный тип, который, по сравнению с КЛЯ, оказывается гораздо более развитым и количественно, и, что особенно важно, качественно. Показано, что качественное своеобразие полипредикативных высказываний разговорной речи определяется особым типом смысловых отношений, складывающихся между предикативными конструкциями, — недифференцированными смысловыми отношениями, и особым — опосредованным — характером смысловой структуры полипредикативного высказывания. Большое место отведено анализу членов функциональных групп — особых разговорных текстовых образований, построенных на основе бессоюзного полипредикативного высказывания путем функциональной модификации его частей.

Реально существующая картина разговорной речи обнаруживает, наряду с типизированными построениями, и явления деструкции, разрыхления, ущербности вплоть до алогичности. В состоянии крайнего волнения, аффекта или при наличии соответствующих экстралингвистических факторов (ситуация, общий опыт говорящих) разговорное предположение может благодаря обрывам, сбивам, перебивам, вставкам, напизываниям, повторам и т. п. принять аструктурные формы, которые вне среды их произнесения не могут быть ни поняты, ни однозначно реконструированы. Утверждение относительно регулярности и замены в разговорной речи союзом *что* союза *потому что* (269 с.) нуждается в более убедительном доказательстве. Интерпретация отдельных случаев предельной компрессии высказывания типа *«Позови в лес»*, которое должно означать *«Позови Иксу и позови его с нами в лес»* (с. 193), едва ли соответствует нормам синтаксиса русской разговорной речи. Анализ подобных крайностей почти не находит места в языкознании. Отрадно, что Е. Н. Шпрелев подошел к решению этих проблем.

Запутанность объективной картины разговорной речи не может не наложить отпечаток на метаязык лингвистов, что в какой-то мере сказалось и на обсуждаемой книге. Однако нужно отметить, что ее авторам в основном удалось добиться точности описания. Важны не частные погрешности интерпретации, а весьма существенные верные обобщения, явно доминирующие в работе.

Нельзя не заметить некоторых полиграфических погрешностей: вторая часть переименована в третью (с. 71), на с. 43 (2-й абз. сверху) пропуск отрицания *не* резко снижает смысл, в конце с. 37 пропущена целая строка, разный кегель буквенных индексов список затрудняет понимание текста на с. 15—16 с., есть опечатки на с. 12, 49, 55, 74 и т. д.

Однако в целом монография производит очень благоприятное впечатление. Книга снабжена обширным ссылочным аппаратом, довольно полно учитывающим сделанное по разговорной речи как в советском, так и в зарубежном языковедении. По узловым вопросам проведена полемика, в дискуссии с представителями иных взглядов обоснованы принятые точки зрения.

Многие из описанных типических черт русской разговорной речи «свойственны другим языкам и могут рассматриваться как универсальные. Данная книга открывает широкие горизонты типологических исследований с использованием богатейших фактических данных и важных теоретических положений. Привлечен колоссальный новый интереснейший материал магнитофонных и ручных записей естественной неподготовленной обиходной речи.

Исключительно велико значение обсуждаемой монографии для иностранных специалистов, изучающих русский язык. Зарубежные ученые, занимающиеся русистикой в основном с использованием литературных источников, получают цен-

ное подспорье по живой речи. Упор на речетворчество в разговорном языке обратит их внимание на то, что нередко ускользает из поля зрения даже тех лингвистов, для которых анализируемый язык является родным, а именно на неповторимые неузуальные образования. Именно с помощью этой книги преподаватель-практик иностранного языка сможет с большей осмотрительностью решать проблему деления лексики и грамматики на активную и пассивную и проводить профилактику методических ошибок, возникающих на почве диспропорции материала.

Обсуждаемая книга — заметное явление в лингвистике. Актуальностью постановки вопросов она не оставляет читателя равнодушным, она обогащает, будит мысль, дает богатую почву для сопоставления и нахождения параллелей в разных областях. «Русская разговорная речь» — серьезный вклад в теорию отечественного языковедения, который будет иметь резонанс в самых широких кругах языковедов.

Дескин В. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская разговорная речь. М., 1973.
2. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
3. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Рецензируемая книга — плод многолетних размышлений и размышлений известных лингвистов и педагогов — Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Отдельные положения книги знакомы читателям по предшествующим трудам этих авторов, а также по ряду статей и докладов. Вместе с тем в рецензируемой книге отражены дальнейшие лингвистические и лингводидактические поиски и находки авторов. Впервые целостная лингвострановедческая теория слова представлена здесь в монографическом изложении, что принципиально важно как для существа излагаемой концепции слова, так и для обоснования этой концепции, для определения перспектив ее разработки, для распространения ее идей на новые сферы исследования.

В центре внимания авторов — исследование гносеологической функции языка, в частности один ее план — накопительная (кумулятивная) функция слова, которое «вмещает в себя и хранит знания о действительности» (с. 7).

Семантическая концепция, изложенная в рецензируемой книге, явилась результатом дальнейшей разработки идеи «слово как хранящее человеческое опыта, возникшей еще в античные времена и развиваемой на протяжении столетий мно-

гими философами, социологами и лингвистами. Авторы привлекают, однако, не выдвижение этой общей глобальной идеи, а описание результатов конкретного анализа того, «как именно слово становится средоточием собираемой информации, вместилищем знаний и какова роль, практическая польза кумулятивной функции слова для прикладных задач» (с. 8) — для лингвострановедческого преподавания русского языка, для лексикографической работы, для последующих исследовательских поисков.

Из сказанного ясно, что книга ориентирована — 1) на анализ феномена накопительной природы лексической семантики и разработку своеобразной семантической лингвострановедческой теории слова и 2) на показ лингводидактической значимости этой теории. Именно двойкой целенаправленностью определяется как внешняя, так и внутренняя композиция книги.

Гармоничная по общей композиции, книга состоит из трех частей. В первой части представлено описание и обоснование концепции «слова как вместилища знания» (с. 192). Концепция названа авторами континентской от латинского *continere*, что значит